

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

4

1990

1990 4

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор)

А. А. Аскарлов, А. В. Виноградов, В. И. Гуляев,
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев, Т. М. Потемкина,
Д. С. Раевский, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко,
Е. Н. Черных (зам. главного редактора), В. Л. Янин

СОДЕРЖАНИЕ

Любин В. П., Вишняцкий Л. Б. (Ленинград). Открытие палеолита в Восточной Туркмении	5
Третьяков В. П. (Ленинград). Волосовские древности в междуречье Суры и Мокши	16
Болтрик Ю. В. (Киев). Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра)	30
Кузнецов В. Д. (Москва). Некоторые вопросы организации общественного строительства в Афинах	45
Афанасьев Г. Е. (Москва). Иерархия салтовских долговременных поселений лесостепного Приосколья	51
Фахрутдинов Р. Г. (Казань). Классификация и топография болгарских городищ	68
Медынцева А. А. (Москва). О надписи на «кресте» Манасии (с. Цар Асен, Болгария)	85
Ульянов О. Г. (Москва). К проблеме работы «по образцу» в московской школе художественного оружия XVI—XVII вв.	92

Дискуссии

Марковин В. И. (Москва). Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (майкопская культура).	106
Андреева М. В. (Москва). Традиционные проблемы и новые пути их решения (несколько замечаний по поводу дискуссии об этнической принадлежности майкопской культуры)	122
Кореневский С. Н. (Москва). К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры	125
Мизиев И. М. (Нальчик). О создателях майкопской культуры	131
Сафронов В. А. (Москва). Новые пути решения майкопской проблемы	137

Чеченов И. М. (Нальчик). К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа	144
Марковин В. И. (Москва) Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре	153

Публикации

Уткин А. В. (Иваново). Мезолитическая стоянка Малая Ламна III в бассейне р. Лух	158
Терехова Н. Н. (Москва). Технологическая характеристика железных изделий из курганного могильника скифского времени у селения Нартан (Кабардино-Балкария)	169
Дубовская О. Р. (Донецк). Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской	182
Белинский А. Б. (Ставрополь). К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе	190
Ольховский В. С., Галкин Л. Л. (Москва). Культурный комплекс на Устюрте (предварительное сообщение)	196
Петерс Б. Г., Авдеев А. Г. (Москва). Экономические связи античного городища у с. Михайловка в IV—III вв. до н. э.	207
Лапшин А. Г. (Владимир). Два портрета из Мансур-депе	223
Минжулин А. И. (Киев). Технология зерна	231

История науки

Алексеев Л. В. (Москва). Судьбы археологии и исторического краеведения Белоруссии и Смоленщины в 20-е и 30-е годы XX в.	241
Горбунова Н. Г., Качалова Н. К. (Ленинград). Памяти Бориса Александровича Латынина (к 90-летию со дня рождения)	253

Критика и библиография

Романчук А. И., Цецхладзе Г. Р. (Свердловск, Москва). Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1973—1977 Т. 1. Тбилиси, 1981. Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1978—1982. Т. 2. Тбилиси, 1987	259
Афанасьев Г. Е. (Москва). Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1, 2, 3. Нальчик, 1984, 1985, 1987	263
Фехнер М. В., Пушкина Т. А. (Москва). Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde/ Ed. G. Arwidsson. Stockholm, 1986.	271
Всевинов Л. М. (Ленинград). Советская археологическая литература за 1988 г.	271

Хроника

Плетнева С. А. (Москва). Симпозиум «Сокровище хана Кубрата. Культура болгар, хазар, славян» (София, сентябрь 1989 г.)	289
Седова М. В. (Москва) Уваровские чтения (Муром, 1990)	291
Григорьев Г. П., Шумкин В. Я., Щетенко А. Я. (Ленинград). Памяти Виктора Петровича Третьякова (1940—1985)	293
Смирнов К. А. (Москва). Памяти Анны Епифановны Алиховой	295
Марковин В. И. (Москва). Памяти Валерия Сергеевича Титова	296
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1990 год	298

Журнал «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

печатает платные рекламы

по договорным ценам.

Справки по телефону: 124-34-42.

Б. Г. ПЕТЕРС, А. Г. АВДЕЕВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА У С. МИХАЙЛОВКА В IV—III ВВ. ДО Н. Э.

Одной из задач данной статьи является попытка реконструкции экономических связей античного городища у с. Михайловка (Ленинский р-н, Приозерский с/с Крымской обл.) в период с конца IV до середины III в. до н. э. Эти связи складывались из отношений внутренней торговли и обмена, соединявших полис и хору в единый экономический организм. Характер этих связей определяется развитием товарного производства, а особенности их проявления зависят от степени товарности и структуры производящего хозяйства, активности денежного обращения и ряда других факторов (ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 215. Т. 20. С. 283. Т. 46. Ч. 1. С. 36). Экономические связи между объектами имеют избирательный характер, т. е. их направление определяется тяготением объекта к тому или иному центру, а интенсивность их зависит от наличия транспортных коммуникаций и отчасти — от расстояния между объектом и центром тяготения, «будучи наиболее высокой в зоне их непосредственного контакта, понижается с увеличением расстояния между ними» [1, с. 82, 83]

Термин «экономические связи», по нашему мнению, более емко отражает (хотя и не исчерпывает полностью) одну из форм взаимоотношений между полисом и хорой как «экономически целым» организмом, составные части которого выступают в диалектическом единстве города и деревни (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 465, 466, 471).

Своеобразие развития экономических связей в эту эпоху заключается в особенностях античного способа производства (подробнее см. [2, с. 8, 14, 32, 34, 35]). Иначе говоря, эти связи являются одной из форм распределения произведенного общественного продукта в замкнутой экономической системе «полис — хора», которая предполагает сосуществование нескольких форм товарообмена при слабом развитии торговли внутри этой системы и преобладании прямого обмена над товарно-денежными отношениями, товарного обращения — над денежным (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 360, 361). При этом, разумеется, нельзя отрицать, что само существование подобных связей в конечном итоге неизбежно ведет к превращению полиса в центр обмена и, как следствие этого, к вызреванию экономических основ противоположности между городом и деревней. Но в целом товарно-денежные отношения в античную эпоху еще не достигли уровня того развития, при котором можно говорить о полной противоположности данных структур (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 364. Ср.: [3, с. 222—224, 226]).

Экономические связи внутри античных государств Северного Причерноморья мало изучены. Отдельные их аспекты исследовались И. Б. Зеест [4], И. Т. Кругликовой [5], А. Н. Щегловым [6]. И. Б. Брашинский выделил следующие характерные черты этих связей: 1) зависимость интенсивности экономических связей от общего уровня экономического развития государств; 2) осуществление регулирующей роли во внутренней торговле столичными центрами; 3) наличие определенной специализации в производстве и торговле городских центров; 4) основа внутренней торговли — торговля сельскохозяй-

ственными и ремесленными продуктами местного производства, подчиненное положение торговли импортными товарами; 5) широкое развитие оптовой и розничной торговли; 6) высокоразвитое денежное обращение [7, с. 186]

Одним из способов археологической реконструкции экономических связей античного сельского поселения мы считаем увязку добытого в результате археологических исследований материала с анализом общей политической и экономической ситуации в регионе и палеогеографической реконструкцией изучаемого района с привлечением данных письменных источников. Ведущее место мы отводили изучению массового керамического материала. Как выборку из данной категории источников мы использовали амфорные клейма, которые в силу своей специфики позволяют провести качественный анализ возможных направлений экономических связей. Для уточнения и конкретизации выводов, полученных при изучении массового керамического материала и клейм, привлекались найденные на городище монеты, терракотовые статуэтки, граффити, предметы глиптики во взаимосвязи с их археологическим контекстом.

Систематические раскопки на городище античного времени у с. Михайловка и в примыкающем к нему районе ведутся экспедицией ИА АН СССР под руководством Б. Г. Петерса с 1963 г.¹ Здесь прослежены семь культурных слоев и пять прослоев, соответствующих различным периодам жизни городища от эпохи неолита до позднего средневековья². Наряду с весьма многочисленным амфорным материалом здесь обнаружено 10 амфорных клейм, 4 из которых относятся к IV—III вв. до н. э. (соответственно слои 1б и 1а).

Особенностью этих слоев является их небольшая мощность. В ряде случаев слои не выделяются стратиграфически, поскольку культурные напластования V—II вв. до н. э. были почти полностью сnivelированы при перестройках оборонительных сооружений, проводившихся на городище в римское время. В этом случае указанием на наличие более ранних слоев в центральной части городища, в основании которого выявлены выходы скальных пород, служил массовый керамический материал классического и эллинистического времени, выявленный в более поздних слоях. В этой связи находки из слоев V—II вв. до н. э. постоянно сопоставлялись нами с материалом, обнаруженным при изучении слоев римского времени, что позволило выделить некоторые закономерности экономической жизни на городище у с. Михайловка.

Первоначально было высказано мнение, что городище слоя 1б (IV — начало III в. до н. э.) — это земледельческое поселение на хоре Нимфея [10, с. 118, 119]; в процессе дальнейших исследований городища — что это — царская крепость, описанная Диодором [12, с. 343]. В пользу последнего предположения говорит следующее: 1) стратегически выгодное местонахождение городища в районе, связанном удобными коммуникациями с Пантикапеем, Нимфеем и Тиритаккой и обеспечивающем оборону находившейся за пределами Тиритакского оборонительного вала центральной части Керченского полуострова; 2) остатки мощных оборонительных сооружений, вскрытые в процессе археологического исследования памятника; 3) совпадение описания местности вокруг царской крепости у Диодора с рельефом местности вокруг городища. Было также высказано предположение, что Эвмел выделил переселенцам из Каллатиса принадлежавшие Спартокидам земли вокруг царской крепости, обезлюдившие в результате междоусобной войны (Diod., XX, 23) (слой 1а, конец IV—III в. до н. э.) Первое же предположение, видимо, будет справедливо для более раннего времени: к V в. до н. э. относится первая нарезка клеров в окрестностях городища, вероятно, связанная с размежеванием хоры Нимфея на земельные участки [10, с. 117, 118; 13, с. 23].

Фрагменты амфор³ относящиеся к изучаемому времени, сравнительно

Информацию о ходе раскопок см. [8, с. 119—124; 9, с. 97—104] и в АО за 1965—1975, 1978—1984 гг.

² Характеристику слоев см. [10, с. 117—127, 11, с. 3—6; 12, с. 343; 13, с. 23—27]

³ Амфорный материал из раскопок городища у с. Михайловка см. [14, с. 53—57, 15, с. 182—195]

немногочисленны, но они свидетельствуют о том, что характер и интенсивность поступления импортных товаров в керамической таре на городище у с. Михайловка мало чем отличались от аналогичных показателей, полученных при исследовании других сельских поселений европейского Боспора [16, с. 223, рис. 93, с. 226, 227, рис. 4]. Так, на исследуемом памятнике ведущее место среди амфорных фрагментов, относящихся к слою 1б, принадлежит продукции южнопонтийских центров — Синопы и Гераклеи Понтийской. Менее интенсивно поступали товары из средиземноморских центров: Хиоса, Фасоса, Менды и др. В более позднее время (слой 1а) наряду с продукцией Синопы, сохранившей ведущее положение, значительное место стала занимать продукция Родоса. Малочисленность синопских клейм⁴, найденных на городище, их рассредоточенность в большом временном промежутке, а также нерепрезентативность их набора свидетельствуют об отсутствии прямых торговых контактов жителей городища слоев 1б и 1а с Синопой. То же самое можно сказать и о торговых контактах с другими центрами, в том числе с Гераклеей: единственное клеймо этого центра происходит из раскопок курганной группы севернее городища. О малой интенсивности ввоза родосских амфор, на наш взгляд, свидетельствует полное отсутствие на изучаемом памятнике клейм этого центра, которые, кстати сказать, весьма немногочисленны и на других сельских поселениях европейского Боспора.

Нужно отметить, что синопские клейма одного штемпеля с найденными на городище обнаружены в важнейших центрах Северного Причерноморья, являющихся конечными пунктами морского пути, ведущего в данный регион от южного побережья Черного моря (Ps.— Scyl., 68; подробнее см. [17, с. 11—19]): в Херсонесе, Ольвии и Пантикапее. Находки клейма одного штемпеля на городище у с. Михайловка и в столице Боспора (и отсутствие таковых, по данным рукописи IosPE, III, в Тиритаке и Нимфее) свидетельствуют, что на городище у с. Михайловка импортные товары, скорее всего, поступали из Пантикапея, который являлся крупнейшим торговым центром европейского Боспора (Strab., XI, 2, 10). Большую роль в развитии данного направления экономических связей городища у с. Михайловка сыграла избирательность этих связей, создававшаяся тяготением мелких населенных пунктов к более крупным — центрам ремесла и торговли. О существовании крупных центров тяготения на Боспоре сообщает Демосфен: в одной из его речей упоминается некий землевладелец, перевозивший на корабле амфоры с косским вином из Пантикапея на одно из поселений феодосийской хоры (Demosth., XXXV (adv. Lacr.), 32, 34); см. также [18, с. 198, примеч. 1]

Разумеется, это предположение не отрицает наличия экономических связей жителей городища у с. Михайловка с располагавшимися по соседству Тиритакой и Нимфеем, и введение в научный оборот материалов, обнаруженных в последние годы на этих памятниках, возможно, позволит сделать необходимые уточнения. Интенсивность и направленность этих связей в разное время могли быть различными. Так, если в первые годы существования поселения калланийцев ведущая роль, бесспорно, могла принадлежать Пантикапею, централизованно снабжавшему переселенцев всем необходимым (Diod., XX, 25, 1), то материалы из раскопок позднеантичных и раннесредневековых слоев городища у с. Михайловка находят полные аналогии с материалами этого же времени из раскопок Тиритаки [14, с. 53—57]. Тем не менее выборка клейм из раскопок Тиритаки и Нимфея, зафиксированная в рукописи IosPE, III, кажется достаточно репрезентативной для вывода о большей значимости для жителей городища у с. Михайловка в IV—III вв. до н. э. экономических связей с Пантикапеем, который являлся центром тяготения для поселений, расположенных в его контактной зоне. Так, терракотовые статуэтки [19, с. 112—114, табл. 53, 54; 20]

⁴ Аналогии см. IosPE, III, раздел «Синопа», № 1911 (III хронологическая группа, по Б. Н. Гракову), 2548, 5692 (II хронологическая группа, по Б. Н. Гракову). Рукопись IosPE, III, подготовленная к печати Е. М. Придилом и Б. Н. Граковым, хранится в архиве ИА АН СССР д. № р-2/2157—2198.

и другие предметы, обнаруженные при раскопках городища у с. Михайловка, имеют прямые аналоги с находками в Пантикапее.

Различные источники свидетельствуют, что на Боспоре тяготение мелких населенных пунктов к более крупным в середине IV — первой четверти III в. до н. э. в значительной степени определялось экономическими связями: крупные центры, такие, как Пантикапей или Феодосия, были портовыми городами, через которые осуществлялся экспорт в Афины хлеба, свозимого с поселений хоры европейского Боспора (Demosth., XX (adv. Lept.), 31—33; ср. [21, с. 67]). Не исключено, что направленность и интенсивность связей этих поселений регламентировались и контролировались Спартокидами [22, с. 166].

В процессе археологических исследований на городище у с. Михайловка выявлена развитая система дорог трех типов: 1) грунтовые дороги: а) между каменными стенами границ земельных наделов южнее городища, имевшие ширину 4 м и обеспечивавшие подъезд к любому наделу (рис. 1, 3); б) подъездные пути и переправы (речной брод у рва и вала); в) дорога, ведущая из Пантикапея в Феодосию, имевшая на некоторых участках твердое покрытие; 2) мощенные тесаными известняковыми плитами улицы шириной 3 м в центральной части городища (рис. 1, 4); 3) мощенные камнями проезды, в частности пандус шириной 1,70 м и длиной 12,50 м, выявленный в центральной части городища (рис. 1, 5). Основной транспортной артерией, связывавшей жителей городища со столицей Боспора, была дорога, ведущая из Феодосии в Пантикапей. Следы этой дороги прослежены на аэрофотоснимках и были видны при боковом освещении на местности. Эта дорога частично перекрыта или проходит вблизи современного шоссе Керчь — Феодосия, на восток от 19-го километра которого находится наше городище. Важную роль играло и сообщение с Пантикапеем по реке и по морю, особенно в осеннее и весеннее время, когда грунтовые дороги становились плохо проходимыми и жители предпочитали пользоваться водным путем. Следует отметить, что доступ к морю жителей этого городища — переселенцев из гераклейской колонии Каллатиса — в целях безопасности контролировали города Тиритака и Нимфей, замыкавшие выход из залива (совр. Чурубашское озеро) в море. В этот залив впадала река, огибавшая городище. Существует предположение, что в древности залив был мелководен [23, с. 124, 125]. Мы придерживаемся другой точки зрения, но в любом случае по заливу могли проходить плоскодонные речные суда. Например, известно, что в античное время даже по мелководному Сивашу плавали на легких кожаных лодках, имевших небольшую осадку (Strab., VII, 4, 1).

Обмеление залива, вызванное уменьшением стока реки, и соответственно возрастание роли сухопутной дороги в Пантикапее начались с конца IV в. до н. э. и проходили постепенно. Тогда в связи с новой нарезкой земельных участков в районе городища, выделенных Эвмелом для переселенных на Боспор каллатийцев, вероятно, в значительной части был сведен лес, росший в окрестностях городища⁵. Это нарушило экологический баланс данного района⁶ и привело к ускорению обмеления и засоления озера выше по течению от нашего городища и к пересыханию вытекавшей из него реки (рис. 2, 4), но, как мы покажем

⁵ Частично этот лес был сведен раньше — при первой нарезке клеров, затем он вырубался воинами Сатира при штурме царской крепости во время междоусобной войны конца IV в. до н. э. (Diod., XX, 23). Но еще в первой половине XIX в., осваивая целинные земли в этом районе, русские переселенцы выкапывали окаменевшие корни крупных деревьев [24, с. 11; 25, с. 61]. Последние реликтовые остатки этого леса были сведены в конце XIX в. на горе Опук. Существование леса в районе городища подтверждается также анализом золы из топок печей и остатков деревянных конструкций зданий, для сооружения которых использовались такие породы деревьев, как ясень, ива, вяз, тополь, сосна, дуб. Кроме того, на городище обнаружены костные остатки диких лесных животных: благородного оленя, кабана, лисицы, зайца, куницы. Определение растительных остатков проведено Г. Н. Лисицкой, костных — В. Н. Данильченко в лаборатории ИА АН СССР.

⁶ В качестве известной параллели можно напомнить, что хищническая вырубка лесов в Горном Крыму в XIX в. привела к резкому уменьшению водостока всех рек Южного берега Крыма [26, с. 45].

Рис. 1. 1 — пан, терракотовая статуэтка; 1—200 гг. н. э.; городище у с. Михайловка; 2 — терракотовое колесо модели повозки; 100—300 гг. н. э.; городище у с. Михайловка; 3 — грунтовая дорога между границами земельных участков, южная часть городища у с. Михайловка; 4 — улица, мощенная тесаными плитами известняка, западная часть городища у с. Михайловка; 5 — пандус, мощенный камнями, центральная часть городища у с. Михайловка

Рис. 2. 1 — торговый корабль (изображение на инталии из горного хрусталя; вставка в железный перстень; 300—100 гг. до н. э., городище у с. Михайловка, раскоп II, склеп); 2 — плоскодонное речное судно (граффити на стенке красноглиняной амфоры; эллинистическое время; городище у с. Михайловка); 3 — вспомогательное или транспортное военное судно с баллистой в носовой части (граффити на стенке красноглиняной амфоры; 200—250 гг. н. э.; городище у с. Михайловка); 4 — древняя речная пойма в северной части городища у с. Михайловка; 5 — чаша древнего озера на юго-восток от городища у с. Михайловка

ниже, роль этого средства сообщения еще сохранялась и в римское время.

Свидетельства античных авторов и памятники материальной культуры позволяют составить представление о развитии морского дела в античных государствах Северного Причерноморья и конструктивных особенностях северопонтийских кораблей этого времени [27]. В одном из погребений на городище найден датированный 300—100 гг. до н. э. бронзовый перстень с инталией из горного хрусталя с резным изображением торгового морского судна (рис. 2, 1).

Судно изображено носом влево, линия носа округло переходит в днище и в кормовой части резко поднимается вверх. Верхняя часть борта слегка понижается к носу. В кормовой части судна до мачты выше палубы прослеживается надстройка, полуют, или возвышаются сложенные на палубе товары. На судне установлена мачта, но рея с парусом опущена. К корме и носу идут снасти стоячего такелажа. С правого борта на воду опущены два весла, под которыми идет судно.

Известно, что в античном мире изображение судна на каких-либо предметах часто указывало на профессию владельца данного предмета, связанную с морем (Flav. Philostr., *Apoll. Tyap. Vita*, 1, 24). На первоначальную принадлежность данного перстня купцу или мореплавателю указывают и то, что древние считали корабль символом благополучия и удачи⁷, и то, что для изготовления инталией был использован горный хрусталь, являвшийся у греков талисманом мореплавателей [28, с. 10]. Впрочем, следует отметить, что у разных народов, в том числе и у греков, корабль являлся символом смерти, и его изображения часто использовались в погребальном ритуале.

Сведения о плаваниях по рекам в Северном Причерноморье в античное время весьма скудны. Древние авторы лишь сообщают о ряде судоходных рек, доступных для захода кораблей с моря (их перечень см. [27, с. 78]). Известны и отдельные описания плаваний морских торговых судов по северопонтийским рекам (Ps.-Apachars., *Epist.* IX, 35—43). На Керченском полуострове в античное время существовала разветвленная речная сеть [18, с. 198, примеч. 1], и поселения, в том числе и городище у с. Михайловка, часто основывались вдоль рек. Ранее [29, с. 302] было сделано предположение о возможной идентификации реки, протекавшей мимо городища, с рекой Фат, упомянутой у Диодора, которая имела большую глубину и была судоходной (Diod., XX, 22, 3, 8). Шурфовка в пойме реки, огибавшей городище, выявила слой галечника, насыщенный окатанной керамикой и фрагментами двухстворчатых раковин пресноводных моллюсков, а также насыпные сооружения в русле реки, возможно древние причалы. При раскопках городища были найдены предметы рыболовного промысла, кости промысловых рыб (судак, карповые). Особо следует отметить находки костей проходных рыб (севрюга — несколько особей длиной от 100 до 200 см)⁸, которые во время нереста заходили в реку из моря и подымались по ней к озеру. На городище найдена стенка красноглиняной амфоры эллинистического времени с граффити, изображающим небольшое судно (рис. 2, 2).

Судно показано носом вправо, стоящим на якоре, о чем свидетельствует часть якорного каната, уходящего в воду; следовательно, рисовавший изобразил судно только до ватерлинии. Из воды поднимается вздернутая носовая часть судна. В верхней части его слегка прогнутой линией показана часть переднего каната для удержания мачты — вант. В носовой части судна имеется изображение глаза. Таким образом, на граффити изображено небольшое судно, имеющее парусную оснастку, вероятно, совершающее плавание с заходом в реки и стоящее под загрузкой или разгрузкой у причала городища.

⁷ Так, в «Снотолкователе» Артемидора Далдианского (II, 23, с. 140—141 Pask) увиденный во сне торговый корабль, имевший хорошую загрузку, рассматривался как во всех отношениях благоприятное предзнаменование.

⁸ Костные остатки рыб определены в лаборатории ИА АН СССР Е. Цепкиным.

Второе граффити (рис. 2, 3), также на стенке красноглиняной амфоры, датированной 200—250 гг. н. э., изображает судно носом вправо. Линия днища плавно переходит в носовую часть и заканчивается в верхней части выдвинутой вперед балкой — бушпритом, завершающимся изогнутым предметом, напоминающим по форме лук. Это, вероятно, изображение вспомогательного или транспортного военного судна, имевшего в носовой части баллисту (ср. [27, с. 96, 97]).

Все это укрепляет наши предположения о том, что в античную эпоху данная река имела постоянное русло и в определенное время года могла быть доступна для захода с моря судов, имевших небольшую осадку. По реке жители городища у с. Михайловка осуществляли связь с приморскими городами Боспора — Нимфеем и Тиритакой, а с выходом в пролив — с Пантикапеем и др.

Хочется обратить внимание на то, что в зимнее время, когда из-за сильных морозов водная поверхность промерзала, река, залив и пролив могли представлять ровную, удобную дорогу для колесного транспорта, о чем неоднократно сообщают античные авторы (Herod., IV, 28, 1; Strab., VII, 3, 18; Verg., Georg., III, 360—366, и др.).

Приведем свидетельства античных авторов, нумизматические и археологические данные о северопричерноморском колесном транспорте (рис. 3). Так, в рассказе Диодора о событиях конца IV в. до н. э. на Боспоре упоминаются две разновидности колесного транспорта античности: телега (*ἀμαξά*) и повозка (*άρμα*) (Diod., XX, 22, 3; 25, 4; ср. Herod., IV, 28, 1; 46, 3)⁹, причем о последней сообщается, что она была четырехколесной, имела крытый верх и в нее запрягалась четверка лошадей¹⁰. И если повозки использовались как пассажирский транспорт, то телеги, как явствует из сообщения Диодора, применялись для грузовых перевозок, в частности для доставки провианта¹¹. Колесо от глиняной модели телеги, видимо, имитировавшей такие типы повозок, было найдено при раскопках городища у с. Михайловка (рис. 1, 2). О наличии на городище гужевого транспорта свидетельствуют и мощенные тесаными плитами известняка дороги, вскрытые в западной части городища (рис. 1, 4).

Основной тягловой силой в Северном Причерноморье античной эпохи были вола (Hirprogr., De aeg, 18 Kuehl; Diod., XX, 25, 4), костные остатки которых найдены при раскопках городища у с. Михайловка [30, с. 28]. Кроме того, на городище найдены терракотовые головы быков (фрагменты статуэток), «запрягавшихся» в игрушечные повозки [31, с. 65, 66, табл. VII]. Широкое развитие скотоводства в этом районе подтверждается наличием пойменных лугов, а также находками на городище статуэток Пана — покровителя пастухов и скотоводов, двух терракотовых (рис. 1, 1) и одной меловой. Одновременно находки изображений Пана убедительно подтверждают вывод о том, что Пантикапей являлся центром тяготения для жителей большого количества населенных пунктов европейского Боспора, в том числе и городища у с. Михайловка: Пан является божеством-покровителем пантикапейской хоры [34, с. 103—118].

Жители исследуемого городища могли отправляться в Пантикапей также пешком или верхом на лошадях. В этом случае количество товаров, направлявшихся на продажу или закупленных в Пантикапее, могло быть небольшим, причем в первом случае для их переноски использовались рабы, а во втором грузы могли перевозиться во вьючных мешках и коробах, а жидкости — в бурдюках (ср. [35, табл. 5а—с, 8а]). В пользу развития на городище коневодст-

⁹ Основные значения этого слова, приведенные в LSJ (р. 76, 242—243 s. v.), соответствуют данной терминологии. О конструктивных особенностях северопричерноморских повозок см. [31—33].

¹⁰ В античных трактатах по военному делу под этим термином подразумевались повозки, предназначенные для перевозки пехоты, воинов вспомогательных подразделений и вооружения к театру военных действий (Ascl., Tact., 1), а также боевые колесницы (Агг., Tact., 2,5 Roos).

¹¹ Интересно отметить, что этот же термин употребляют Геродот (IV, 28, 1; 71) и Гиппократ (De aeg 18 Kuehl.) для обозначения скифских повозок.

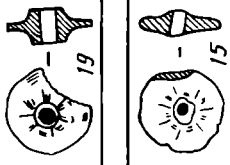

	I	II
400 в н.э.		
300 в н.э.		
200 в н.э.		
1000 н.э.	 	
100 до н.э.		
200 до н.э.		
300 до н.э.		
400 до н.э.	 	

Рис. 3. Колесные транспортные средства Северного Причерноморья: I — боевые и выездные колесницы; II — поозки и телеги

Колесные транспортные средства Северного Причерноморья

Номер на рисунке	Хронология	Описание	На чем изображено или материал, из которого изготовлено	Способ изображения или изготовления	Место находки или изготовления	Публикация или место хранения
1	350—330 гг. до н. э.	Колесница	Монета, медь	Чеканка	Херсонес, городище, г. Севастополь, Крымская обл.	[55, с. 54, рис. 3]
2	350—300 гг. до н. э.	»	Надгробие, известняк	Рельеф	Трехбратний курган, Ленинский р-н, Крымская обл.	[56, с. 133, рис. 3]
3	400—300 гг. до н. э.	»	Пластинка из слоновой кости	Резьба	Курган Куль-Оба, г. Керчь, Крымская обл.	[51, с. 89, рис. 26]
4	III в. до н. э.	»	Пластинка, золото	Торевтика	Курган Карагодеуахш у ст. Крымской, Краснодарский край	[57, с. 75, табл. 318]
5	Последние десятилетия I в. до н. э.—первые десятилетия I в. н. э.	»	Скелет Алкима Гегесиппова	Роспись	Пантикапей, городище, г. Керчь, Крымская обл.	АДЖ, атлас, табл. XLIX
6	I—50 гг. н. э.	»	Скелет Деметры	»	То же	АДЖ, атлас, табл. LVI, LIX
7	Конец I—II в. н. э.	Колесо от колесницы	Двойной скелет 1873 г.	Фрагмент росписи	АДЖ, атлас, табл. LXIV, 4	
8	Вторая половина I—начало II в. н. э.	Колесница	Скелет, открытый А. Б. Ашиком	Роспись	АДЖ, атлас, табл. LXXXIX, 1	
9	400—200 гг. до н. э.	Колесо от повозки, модель	Бронза	Литье	Погребение у с. Широкое 2, кург 63, Скадовский р-н, Херсонская обл.	[33, с. 110, рис. 3(1)]
10	То же	То же	Свинец	»	Кург. 11, погребение 7 у с. Львово	То же
11	300—275 гг. до н. э.	»	Кость	Резьба	Ольвия, городище, с. Парутино, Николаевская обл.	[58, табл. XLIX, с. 234]
12	200—100 гг. до н. э.	Повозка, модель	Монета Скилура	Чеканка	То же	[33, рис. 4, с. 111]
13	I—III вв. н. э.	Повозка, модель	Глина	Лепка, обжиг	Пантикапей, городище, г. Керчь, Крымская обл.	[31, табл. IV]
14	То же	То же	То же	То же	То же	[31, табл. VI]

Номер на рисунке	Хронология	Описание	На чем изображено или материал, из которого изготовлено	Способ изображения или изготовления	Место находки или изготовления	Публикация или место хранения
15	Римское время	Колесо от повозки, модель	»	»	Пагрей, городище: пос. Гаркуша, Темрюкский р-н, Краснодарский край	ИА АН СССР, ЗП-86, подъемный материал в море, у разрушающихся слоев «батарейки»
16	»	Повозка, модель	»	»	»	[59, табл. XX, 2]
17	100—300 гг. н. э.	»	»	»	»	[59, табл. XX, 3]
18	То же	»	»	»	»	[59, табл. XX, 1]
19	100—300 гг. н. э.	Колесо от повозки, модель	»	»	Городище у с. Михайловка, Ленинский р-н, Крымская обл.	ИА АН СССР, хранилище находок
20	300—400 гг. н. э.	Часть колеса, ступица	Дерево	Плогниная работа	Кепы, городище, пос. Сенной, Темрюкский, р-н, Краснодарский край	[59, табл. XX, 2]
21	То же	Часть колеса	То же	То же	То же	[59, табл. XX, 5]
22	»	Часть колеса, обод	»	»	»	[59, табл. XX, 7]
23	»	Часть колеса, спица	»	»	»	[59, табл. XX, 6]
24	»	Часть колеса, обод	»	»	»	[59, табл. XXI, 3]

ва свидетельствуют удобная система его сухопутных коммуникаций и находки на городище большого количества лошадиных костей, особенно в слоях римского времени. Эти находки связаны с увеличением роли конницы в боспорском войске первых веков новой эры и, следовательно, с увеличением удельного веса коневодства на сельских поселениях Боспора [36, с. 98, 99]. Этот вывод подтверждает и рис. 3, свидетельствующий о возрастании роли колесного транспорта на Боспоре в I—III вв. н. э.

В V—II вв. до н. э. коневодство также играло большую роль, в это время на сельских поселениях европейского Боспора лошади составляли до 1/5 всего стада [16, с. 20]. Таким образом, эту отрасль хозяйства для жителей городища у с. Михайловка можно определить как традиционную, т. е. существовавшую в разные периоды жизни памятника. Отметим, что развитие на городище у с. Михайловка животноводства еще раз подчеркивает важное значение сухопутных коммуникаций для жителей городища — по этой дороге они могли перегонять скот на продажу в Пантикапей.

Совокупность этих данных в какой-то мере дает представление о средствах передвижения и перевозки грузов, использовавшихся жителями городища.

Немногочисленность находок монет раннеэллинистического времени на данном городище при наличии некоторого количества синхронных им привозных изделий в какой-то мере подтверждает мнение И. Т. Кругликовой о том, что в это время денежное обращение на поселениях, расположенных во внутренних районах Керченского полуострова, не было активным [37, с. 119].

Однако само по себе это заключение не дает оснований преувеличивать роль натурального обмена в жизни данных поселений [38, с. 52, 53]. В этой связи необходимо вспомнить вывод К. Маркса о том, что в целом масса денег, находящихся в обращении в определенный отрезок времени, является устойчивой усредненной величиной, не меняющейся при изменениях товарных цен и количества товаров, находящихся в сфере обращения (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 129—131*)¹² Применительно к археологическим памятникам античного времени этот вывод позволяет рассматривать всю совокупность монет, обнаруженных на том или ином памятнике, как репрезентативную выборку из данной усредненной величины для более или менее продолжительного отрезка времени.

Иначе говоря, при изучении степени активности денежного обращения на сельскохозяйственной территории античного государства необходимо учитывать не только количество монетных находок (которое само по себе не дает оснований для глубоко идущих выводов)¹³, но и состав монет, полноту отдельных монетных выпусков в данной выборке, преобладание тех или иных номиналов, характер преемственности между представленными в ней монетными эмиссиями, археологический контекст находок, а также тип изучаемого памятника и его положение (статус) в системе античного государства¹⁴. Ведь, например, некоторые поселения, расположенные в центральных районах европейского Боспора, принадлежали осевшим на землю скифам [16, с. 68, 69], находившимся на более низкой, чем греки, ступени общественного и экономического развития. Вполне вероятно, что какая-то часть привозных предметов и ремесленной продукции могла быть получена жителями этих поселений в обмен на излишки сельскохозяйственной продукции. Показательно, что на других, аналогичных памятниках Северного Причерноморья (Елизаветовское городище, позднескифские поселения в Юго-Западном Крыму) малочисленность и нерепрезентативность монетных находок наряду с большим количеством привозных изделий позволяют предположить наличие активного обмена [41, с. 89; 42, с. 117].

¹² Связь здесь обратная: увеличение по той или иной причине денежной массы, находящейся в обращении, влечет за собой повышение цен, а не наоборот (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 88, 89, 103*).

¹³ Иногда ставится вопрос о параллельном сосуществовании на хоре форм натурального обмена и денежного обращения [39, с. 31].

¹⁴ Источниковедческую классификацию монетных находок см. [40, с. 107—111].

Некоторые исследователи [43, с. 35] полагают, что меновая торговля в античную эпоху имела широкое распространение, связывая самое ее существование с тем, что в это время преимущественное значение имело производство потребительных, а не меновых стоимостей продукта (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 313, 314. Т. 23. С. 247). Иначе говоря (и это хорошо видно на примере изучаемого городища), значительная часть вещей, производимых в том или ином населенном пункте античной эпохи, сама по себе не являлась товаром, но становилась таковым лишь в процессе обмена [44, с. 94, 95]. Отсюда вполне понятно, почему проникновение денег на сельскохозяйственную территорию полиса не было активным: по существу поселения хоры являлись самодовлеющими хозяйствами [3, с. 230; 38, с. 52—53; 45, с. 107] ¹⁵.

Этот тип хозяйства мог существовать и на Боспоре, но проследить археологически его трудно: сельские жители хотя бы изредка должны были появляться в городе, чтобы приобрести сельскохозяйственные орудия, парадную посуду, оливковое масло и т. п. (ср. *Plat., Resp., 370 C*). Нельзя исключить и эпизодические наезды на поселения скупщиков урожая и купцов, совершавших меновую торговлю [16, с. 221]. Однако и в этом случае количество монет, найденных на памятниках такого рода, будет небольшим и непрезентативным. В качестве известной параллели можно привести земледельца (*ἀγρογράφος*) из трагедии Еврипида «Электра» (ст. 426—430), которого полностью обеспечивает участок земли; деньги же необходимы ему лишь для получения большего веса в обществе (*ὡς ἔχει μέγα βθένος*) и оплаты непредвиденных расходов, например услуг врачей в случае тяжелой болезни ¹⁶.

В нашем случае наличие регулярной сетки земельных наделов и развитой системы дорог, позволяющей вывозить с каждого надела готовую продукцию, говорит о хорошо налаженном товарном производстве. При этом присутствие на городище очень небольшой выборки монет раннеэллинистического времени, вернее — наличие в этой выборке отдельных номиналов, принадлежащих разновременным монетным сериям (причем все монеты обнаружены в погребениях курганного могильника севернее городища, где они были использованы в качестве «оболов Харона» [11, с. 5, № 1, 4, 5], свидетельствует о том, что регулярного денежного обращения на городище не существовало. Однако в культурных напластованиях боспорских городов число находок монет местной чеканки увеличивается начиная со второй половины IV в. до н. э. Эти находки распределяются по последовательно сменяющим друг друга монетным сериям, которые в свою очередь представлены с достаточной полнотой номиналов (при преобладании среди них мелких и средних) [47, с. 34, 35]. Они являются свидетельством концентрации денежного обращения внутри города и ведущей роли последнего в развитии оптовой и — в большей степени — розничной торговли [3, с. 240—242]. Именно в городе жители сельских поселений могли реализовывать излишки сельскохозяйственной продукции, покупая на вырученные деньги необходимые товары ¹⁷. В эту систему экономических связей, обусловившую ограниченное проникновение монеты на хору, были втянуты и жители изучаемого городища.

Некоторое увеличение роли натурального обмена во внутренней торговле на Боспоре наблюдается в первой половине III в. до н. э. [48, с. 67, 68]: кризис денежного обращения, выразившейся в систематическом обесценении медных

¹⁵ По-видимому, необходимо сделать исключение для крупных рабовладельческих хозяйств, специально ориентированных на рынок.

¹⁶ Может быть, такой тип хозяйства существовал в северных районах Керченского полуострова, где для VI—V вв. до н. э. эпиграфически засвидетельствованы небольшие земельные участки, которые принадлежали гражданам небольшого полиса и имели сравнительно невысокую урожайность [46, с. 140, 141].

¹⁷ Такое положение дел, например, хорошо засвидетельствовано в аттическом материале второй половины V — начала IV в. до н. э. (*Aristoph., Acharn., 33—36, 623—625, 874—800; Pas., 367—368, 999—1005, 1198—1205 и др.*).

монет местной чеканки, составлявших основу денежного обращения на Боспоре в этот период [47, с. 35, 36; 49, 31—42], не нанес ущерба развитию ремесла и внешней торговли, а перестройка структуры хозяйства на сельских поселениях, связанных с рынком, позволила менее болезненно пережить перемены в экономической ситуации [50, с. 116; 51, с. 107]. Показательно, что в этот период в городах и на сельских поселениях европейского Боспора повышается роль скотоводства [16, с. 102—128, 129; 51, с. 100, 104, 105]. Не случайно живший в конце III — последней четверти II в. до н. э. Полибий на первом месте среди статей экспорта из понтийских стран называет скот (Polyb., IV, 38, 4). Очевидно, в III в. до н. э. в Пантикапее существовал крупный скотный рынок, куда перегоняли стада на продажу и жители городища у с. Михайловка, что также способствовало укреплению экономических связей этого поселения со столицей Боспора¹⁸

Следует отметить, что увеличение денежной массы при уменьшении массы товарной, находившейся в это время в обращении на Боспоре, безусловно привнесло к росту цен, нашло отражение и в составе монетных находок на городище у с. Михайловка. Самые ранние монеты, найденные здесь, относятся к периоду денежного кризиса.

Подводя итоги, мы хотели бы отметить, что экономические связи жителей данного городища в IV—III вв. до н. э. не были интенсивными, а складывались спонтанно, при возникновении необходимости в сельскохозяйственном инвентаре и привозных продуктах питания. Среди последних преобладала продукция южнопонтийских центров: Синопы и Гераклеи Понтийской. При этом Синопа являлась основным поставщиком оливкового масла на боспорские рынки¹⁹, в меньшей степени — вина²⁰. Из Гераклеи главным образом вывозилось вино²¹. В эллинистическое и римское время одной из статей гераклейского экспорта являлись грецкие (персидские) орехи [54], скорлупа которых найдена при раскопках культурных слоев этого времени на городище у с. Михайловка, что, впрочем, не исключает и местного происхождения этих продуктов.

Городище у с. Михайловка располагалось в контактной зоне Пантикапея, и в соответствии с этим столица Боспора может быть названа центром тяготения для жителей городища в IV—III вв. до н. э. Ведущей формой экономических связей, существовавших между исследуемым городищем и Пантикапеем, являлся товарный обмен. Для приобретения ремесленной продукции и привозных товаров жители городища могли предоставить на обмен и(или) продажу излишки сельскохозяйственной продукции и промыслов. Среди отраслей сельского хозяйства на городище во все периоды его существования зафиксированы скотоводство, разведение зерновых (ячмень, пшеница, просо) и бобовых (чина, чечевица) культур, садоводство (яблоня), виноградарство, а из промыслов — рыболовство и охота.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983.
2. Кузищин В. И. К. Маркс об античной экономике // ВДИ. 1983. № 2.
3. Кошеленко Г. А. Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. Становление и развитие полиса. М.: Наука, 1984.

¹⁸ О составе стада на городище у с. Михайловка в эллинистическое и римское время см. [30, с. 28, табл. III]

¹⁹ О посадках культурной маслины на синопской хоре см. (Strab., II, I, 15; XII, 3, 12).

²⁰ О виноградарстве и виноделии в Синопе письменные источники не сообщают, но в легендах синопских клейм и на монетах часты эмблемы, прямо или косвенно связанные с этой отраслью сельского хозяйства [52, с. 87, 88, 92, 97].

²¹ О гераклейском вине см.: (Xenoph., Anab., VI, 4, 6, 5, 1; 6, 1; Theophr., De odor., IX, 52 = Athen. 1, 58, 32b). Есть основания полагать, что на гераклейской хоре выращивались и культурная маслина, но оливковое масло вряд ли являлось объектом широкого экспорта из Гераклеи [53, с. 224].

4. *Зеест И. Б.* К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией // МИА. 1955. № 19.
5. *Кругликова И. Т.* Торговля в сельских поселениях Боспора // КСИА. 1972. Вып. 130.
6. *Шеглов А. Н.* О внутренней торговле Херсонеса Таврического в IV—III вв. до н. э. // КСИА. 1974. Вып. 138.
7. *Брашинский И. Б.* Торговля // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.
8. *Петерс Б. Г.* Раскопки городища у с. Михайловка в 1963 г. // КСИА. 1965. Вып. 103.
9. *Ефимова Г. М., Кожин П. М., Петерс Б. Г.* Охранные раскопки курганного могильника у с. Михайловка // КСИА. 1972. Вып. 130.
10. *Петерс Б. Г.* Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
11. *Петерс Б. Г.* Монеты из античного поселения и курганного могильника у с. Михайловка на Керченском полуострове // НЭ. 1978. Т. XII.
12. *Петерс Б. Г.* Исследования Михайловской экспедиции // АО — 1983. М., 1985.
13. *Петерс Б. Г.* О работах Михайловской экспедиции // КСИА. 1985. Вып. 182.
14. *Петерс Б. Г., Абрамов А. П.* Красноглиняные амфоры и кувшины из раскопок городища у с. Михайловка // КСИА. 1987. Вып. 191.
15. *Авдеев А. Г., Абрамов А. П., Петерс Б. Г.* Функциональная характеристика керамической тары V—II вв. до н. э. с городища у села Михайловка // СА. 1989. № 4.
16. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
17. *Гайдукевич В. Ф.* О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. 1969. Вып. 116.
18. *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд. АН СССР, 1953.
19. *Петерс Б. Г.* Терракоты городища у с. Михайловка // Терракоты Северного Причерноморья // САИ. 1970. Вып. Г1-11.
20. Терракоты Северного Причерноморья. Ч. III. Пантикапей // САИ. 1970. Вып. Г1-11.
21. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949.
22. *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984. М.: Наука, 1985.
23. *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии Причерноморья. 7 О нимфейской гавани // ВДИ. 1984. № 4.
24. *Андреевский А. А.* Замечания о лесоводстве и необходимости разведения лесов в южных губерниях России // Лесной журнал. 1834. Ч. III.
25. *Дюбрюкс П.* Керменджик или дворец царей Воспорских // ЗООИД. 1858. Т. IV
26. *Мамин М. М.* Тропа Боткина. Симферополь: Крым, 1969.
27. *Петерс Б. Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982.
28. *Бордон В. А.* Камни: мистика и реальность. Минск: Наука и техника, 1985.
29. *Петерс Б. Г.* Работы Михайловской экспедиции // АО-1980. М., 1981.
30. *Петерс Б. Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986.
31. *Беньковский П. О.* О терракотовых повозках из Керчи // ИАК. 1904. Вып. 9.
32. *Кожин П. М.* О сарматских повозках // МИА. 1969. № 169.
33. *Бессонова С. С.* О скифских повозках // Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
34. *Сибирский А. А.* Пан, бог-покровитель Пантикапейской территории по монетам Боспора Киммерийского // ЗООИД. 1860. Т. IV.
35. *White K. D.* Farm Equipment of the Roman World. Cambridge; London; New York; Melbourne, 1975.
36. *Шургая И. Г.* Изображения всадника и коня из Илурата // КСИА. 1983. Вып. 174.
37. *Кругликова И. Т.* Монеты из поселения у дер. Семеновки // НЭ. 1963. Т. IV
38. *Рубан В. В., Урсалов В. В.* История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии в догетское время // ВДИ. 1986. № 4.
39. *Абикулова М. И., Пиворович В. Б.* Неопубликованные находки ольвийских монет на поселениях Нижнего Днепра (по материалам Херсонского музея) // Нумизматика античного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
40. *Потин В. М.* Введение в нумизматику // Тр. ГЭ. 1986. Т. XXVI.
41. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980.
42. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.
43. *Бадалянц Ю. С.* Экономические связи эллинистического Родоса: Автореф. дис. докт. ист. наук: 07.00.06. М., 1987
44. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1986.
45. *Finley M.* The Ancient Economy. L., 1972.
46. *Масленников А. А.* Новое о боспорских землешах // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья. М., 1985.
47. *Шелов Д. Б.* Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I вв. до н. э. // НЭ. 1965. Т. V
48. *Брабич В. М.* Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э. // КСИИМК. 1956. Вып. 66.

49. Шелов Д. Б. Еще о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н. э. // СА. 1981. № 2.
50. Карышковский П. О. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. 9. К вопросу о причинах и характере денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н. э. // ВДИ. 1961. № 4.
51. Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964.
52. Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М.: РАНИОН, 1928.
53. Авдеев А. Г. К вопросу о маслиноводстве в Геракле Понтийской (тез. докл. на III Юбилейных Сергеевских чтениях кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ) // ВДИ. 1984. № 1.
54. Виноградов Ю. Г., Онайко Н. А. Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время // СА. 1975. № 1.
55. Бертье-Делагард А. Л. Монетные новости городов Тавриды // ЗООИД. 1911. Т. 30.
56. Бессонова С. С., Кирилин Д. С. Надгробный рельеф из Трехбратного кургана // Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977
57. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Прага; Ленинград: Артия, Сов. художник, 1966.
58. Наливкина М. А. Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Т. 1. Киев: Изд. АН УССР, 1940.
59. Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1971.

B. G. PETERS, A. G. AVDEYEV

ECONOMIC TIES OF AN ANCIENT SETTLEMENT AT THE VILLAGE OF MIKHAILOVKA IN THE 4TH-3RD CENTURIES B. C.

S u m m a r y

The authors recreate the economic ties of the ancient fortified settlement at the village of Mikhailovka (Lenin District, Priozersk, the Crimea) that existed between the late 4th and the mid-3rd centuries B. C. They relied on the archaeological studies and the finds of amphora fragments, amphora stamps, coins, terra-cotta figurines and glyptics from the settlement with their archaeological context taken into account. Barter was the main form of trade that took place in Panticapaeum, Tiritaka and Nymphaeum connected with the settlement by the land and water route. People from the settlement exchanged their surplus agricultural produce for handicrafts and imported foodstuffs (olive oil and wine) in pottery containers.